

Е.А. Булычева
Ижевск

РОЛЬ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА В СТАНОВЛЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: народное образование, церковно-приходские школы, системы обучения, начальная школа, удмуртский язык, подготовка будущих учителей.

АННОТАЦИЯ. Освещаются особенности развития образования для детей удмуртов. Рассматривается начальный этап создания системы подготовки учительских кадров в Удмуртии. Особое внимание в статье уделено подготовке учителей для национальных школ. В период становления системы образования создавались реальные условия для ускоренной подготовки специалистов из числа удмуртского населения. В задачах образования было внедрение русского языка, разработка учебных планов и программ, а также организация и помощь в методике преподавания русского языка для национальных школ.

E.A. Bulycheva
Izhevsk

THE ROLE OF THE UDMURT LANGUAGE IN THE FORMATION OF NATIONAL EDUCATION

KEYWORDS: national education, parochial schools, teaching systems, elementary school, Udmurt language, training for future teachers.

ABSTRACT. The article deals with the system of education for Udmurt children. The initial stage of creating a system of teacher training in Udmurtia is considered. Special attention is paid to the training of teachers for national schools. During the formation of the education system, real conditions were created for accelerated training of specialists from the Udmurt population. The tasks of education were the introduction of the Russian language, the development of curricula and programs, as well as the organization and assistance in the methodology of teaching the Russian language for national schools.

Наличие научно-образовательных центров по изучению национальных языков играет важную роль в формировании любой этнической культуры. Распространение просвещения среди коренного населения Поволжья и Приуралья, как отмечают ученые, началось в XVIII в. и было непосредственно связано с миссионерской деятельностью церкви, политикой христианизации.

Коренное население Поволжья в тот период не имело достаточного доступа к образованию. Прежде всего, это было связано с тем, что обучение было платным. Многодетные удмуртские семьи не могли себе позволить обучать детей, поскольку дети в основном были помощниками в семейных делах. Кроме того, многие удмурты тогда не владели русским языком, практически единственным языком образования в России, поэтому знание русского языка было необходимым условием, обеспечивающим доступ к получению знаний. Обучение детей проходило на церковно-славянском языке, а многие удмурты по вероисповеданию были язычниками, возможно и поэтому многие не хотели принять христианство, это тоже могло послужить причиной нежелания обучаться.

Первые попытки организации школ для удмуртов, как отмечают историки, сделал Казанский митрополит Тихон. Он учредил в 1707 г. в Казани первую инородческую школу. По сохранным данным, в школе обучались 32 школьника, но полный курс обучения прошли всего 5 человек. И только спустя 25 лет, в 1732 г., государственная власть в лице синода предложила укреплять христианскую веру при помощи образования и открытия школ для инородцев. Первые школы были открыты при монастырях и архиерейских домах. В основном набирались в школы дети церковнослужителей и новокрещенных родителей.

26 февраля 1735 г. По представлению архиепископа Иллариона Святейший Синод получил разрешение учредить в Казанской епархии четыре школы для обучения некрещенных инородцев

¹ Булычева Елена Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и финно-угорского языкознания, Удмуртский государственный университет; 426011, г. Ижевск, ул. 10 Лет Октября, 55Б; e-mail: bulychevae@mail.ru.

Bulycheva Elena Aleksandrovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of General and Finno-Ugric Linguistics, Udmurt State University, Izhevsk, Russia.

© Булычева Е. А., 2019

«с таким расчетом, чтобы каждая из этих школ обслуживала определенную народность: в Федоровском монастыре (тат.), в дворцовом селе Елабуге (вог.), в г. Цивильске (чув.), и в Царевококшайске (чер.). Предполагалось содержать в каждой школе по 80 мальчиков, в возрасте от 10-15 лет»¹. Однако по разным причинам эти школы не были открыты до 1740 г.

Таким образом, в реальной ситуации официальной датой зарождения удмуртской школы можно считать 1740 г.

Функционирование этих школ было краткосрочным: в силу различных причин – экономических, политических – эти школы вскоре были закрыты, а с 1756 года все уездные новокрещенские школы (для чувашей, татар, мари и удмуртов) были объединены в одном месте – в г. Казани, на берегу озера Кабана, где они и просуществовали до конца XVIII века. Лучшие из учеников новокрещенских школ переводились для продолжения образования в Казанскую духовную семинарию.

Поначалу обучение инородцев опиралось на натуральный метод. В качестве основных принципов данного метода можно отметить следующие см. подробнее²:

1. Исключение из преподавания использование родного языка, т. к. восприятие языковых явлений должно быть имманентным, то есть непосредственным, без обращения к переводу. Значение языковых явлений следует раскрывать с помощью различных средств наглядности.

2. Введение нового языкового материала только в устной форме.

3. Закрепление материала следует осуществлять в процессе подражания учителю с широким использованием принципа аналогии.

4. Основной формой работы является диалог между учителем и учащимися. Эта форма наиболее приближена к естественному научению языку.

Однако, учитывая низкую эффективность последнего, уже к концу XIX века этот метод начал изживаться, уступая место наглядно-переводному методу (при широком использовании наглядности и помощи родного языка).

В 1730-1740 гг. дело просвещения нерусских народов Поволжья было передано Новокрещенской Комиссии, преобразованной затем в 1740 г. в Новокрещенскую контору. Учитывая, что родители не хотели отдавать детей в школы, Новокрещенская контора вынуждена была объявить льготы для крещеных инородцев, полагая, что после этого они охотнее будут отправлять детей в создаваемые школы. Они освобождались на 3 года от части податей, от рекрутской повинности и т. д. Южные удмурты получали грамотность в Елабужской и Казанской новокрещенских школах. Северные удмурты обучались в новокрещенских школах Вятской губернии³.

На протяжении XVIII – первой половины XIX вв. миссионеры, руководствуясь задачами обращения удмуртов в православие, объективно содействовали распространению грамотности среди удмуртского населения, приобщению его к новым культурным традициям. Во всей своей сложности вопрос о просвещении нерусских народов Поволжья и Приуралья встал в первое пореформенное десятилетие. Однако, как показала практика, многолетняя принудительная христианизация не дала правительству желаемых результатов, более того, к середине XIX в. началась новая волна массового «отпадения» новокрещеных от христианства и возвращения их к прежним формам религиозной жизни. Следует отметить, что XIX век сулил народностям много хорошего: культурный подъём, экономическое и правовое улучшение, но фактически все это осуществлялось частично и очень медленно. По вопросу о языке преподавания в XIX в. был выдвинут принцип: «родной язык – орудие просвещения»⁴, который был подхвачен казанским профессором Николаем Ивановичем Ильминским и адаптирован для казанских инородцев. Официальное утверждение она получила в правительственном циркуляре от 26 марта 1870 года «О мерах к образованию населяющих Россию инородцев» (см. об этом⁵). В рамках этой системы удмурты получали образование в Казанской крещено татарской школе, в миссионерских школах Братства святителя и чудотворца Гурия (1867 г.), в Казанской инородче-

¹ Никольский Н. В. Конспект о истории народностей Поволжья. Казань. Третья типография. Губерн. Сов. Раб., Крест. и Красн. ДН, 1919. С. 61.

² Колеченко А. К. Энциклопедия педагогических технологий: Материалы для специалиста образовательного учреждения. СПб.: КАРО, 2004. С. 53.

³ Берестова Е. М. Роль духовных школ в становлении национального образования в Удмуртии // Национальная школа: прошлое, настоящее, будущее (материалы научно-практической конференции). Ижевск: Удмуртия, 2003. С. 29-30.

⁴ Никольский Н. В. Конспект о истории народностей Поволжья. Казань. Третья типография. Губерн. Сов. Раб., Крест. и Красн. ДН, 1919. С. 71.

⁵ Кутявин А. Н. Формирование и развитие системы общего и профессионального образования в Удмуртии второй половины XIX–XX века: автореф. дис. ... канд. истор. наук. Ижевск, 2006. С. 15.

ской учительской семинарии (1872 г.), в Бирской учительской школе (1882 г.), в Карлыганской центральной удмуртской школе (1891 г.).

Система христианского просвещения инородческих народов представлена в трудах исследователей, в том числе: П. Н. Луппова «Христианство у вотяков в первой половине XX века» (1911 г.), В. Ф. Залесского «К истории просвещения инородцев Казанского края в XVIII столетии» (1911 г.), «Школьное просвещение инородцев Казанского края в XIX веке до введения просветительской системы Н. И. Ильминского» (1905 г.). «Просветительская система Н. И. Ильминского» достаточно полно освещена в работах: Д. Ф. Филимонова «О Николае Ивановиче Ильминском» (1893 г.), Н. А. Спасского «Просветитель инородцев Казанского края Николай Иванович Ильминский» (1900 г.) и других. В них освещается специфика государственной политики в сфере образования инородцев, сущность системы Н. И. Ильминского, его прогрессивное влияние, связанное с использованием родного языка в обучении, подготовкой учителей из самих инородцев.

Удмуртские школы, в которых были реализованы идеи Н. И. Ильминского, открывались также земством и Министерством народного просвещения в Казанской губернии, Белебеевском и Бирском уездах Уфимской губернии. В Красноуфимском и Осинском уездах Пермской губернии они учреждались на средства Пермского комитета православного миссионерского общества. Всего же в Пермской, Уфимской и Оренбургской губерниях к 1886 году действовали 84 «инородческие» школы и в 28 из них обучались удмурты. В начале XX в., в пору наивысшей активности Братства святителя Гурия, под наблюдением Совета Братства находились 62 крещено татар, 50 чувашских, 17 марийских, 17 удмуртских, 1 мордовская и русских школ. Для сравнения: всего в середине XIX в. на территории Глазовского, Елабужского, Малмыжского и Сарапульского уездов Вятской губернии насчитывалось 79 школ, принадлежавших Министерству народного просвещения, Духовному ведомству, Министерству государственных имуществ, Главному артиллерийскому управлению (см. об этом:¹).

Таким образом, начиная с XIX в. начинается разграничение инородческих и полуинородческих учебных заведений. Их различие состояло в том, что в инородческих училищах обучение продолжалось почти всегда 4 года, в смешанных полуинородческих училищах курс обучения продолжался только три года, т. к. училища эти находились чаще в таких селениях и деревнях, где жил большой процент русских и где, следовательно, инородцы более или менее знакомы с русским языком и русской разговорной речью (см. об этом:²).

Преподавание в чисто инородческих училищах велось в младших двух отделениях параллельно на русском и родном языках, затем в среднем отделении преимущественно давалось русскому языку, а родной язык употреблялся лишь для выяснения более сложных или отвлеченных предметов и понятий. Наконец, в старших классах употреблялся почти исключительно русский язык и лишь изредка учителя прибегали к помощи родного.

На первой ступени школьного обучения при изучении русского алфавита по звуковому способу названия новых незнакомых детям предметов, их частей, признаков, действий и т. п. сначала давались детям по-русски, а затем уже переводились на инородческий язык с твердым запоминанием детьми русских названий. По мере постепенного накопления в памяти детей нового запаса русских слов и выражений, учащиеся приучились излагать свои мысли и ответы на даны им вопросы по-русски; но и здесь нельзя было обойтись без более или менее частого обращения к их родной речи³.

На дальнейших же ступенях обучения применение инородческого языка к делу преподавания постепенно оставлялось, урок по каждому предмету велся уже, по возможности, на русском языке, при этом детям чаще давались упражнения по письму в целях приобретения более свободного навыка употребления русской речи.

В третий год обучения ученики упражнялись в передаче связной речи при помощи ответов на вопросы, пересказа содержания прочитанных ими текстов. При ежедневной практике такого рода занятий к концу третьего и особенно четвертого года обучения инородцы научились излагать свои мысли с верным согласованием слов, научились пользоваться, где следует, знаками препинания, употреблять заглавные буквы и т. д. Посредством классного чтения и объяснительных бесед ученикам сообщались иногда и более необходимые для них сведения из географии, русской истории, естествознания, а в некоторых школах и по сельскому хозяйству.

¹ Кутявин А. Н. Формирование и развитие системы общего и профессионального образования в Удмуртии второй половины XIX–XX века: автореф. дис. ... канд. истор. наук. Ижевск, 2006. С. 6–8.

² Отчетъ о состоянии училищъ Вятской губернии. Вятка, 1903. С. 31.

³ Там же.

При таких же дидактических приемах и в такой же последовательности велось обучение иногородских детей и в смешанных училищах, с тем только различием, что в последних училищах с первых же шагов ознакомления учеников с русской грамматикой и русским языком. При преподавании преимущество отдавалось этому языку, т. к. учащиеся в этих училищах, проживая в тесном контакте с русским населением, уже с раннего детства знакомятся с русской разговорной речью. Благодаря этому ко второму, а особенно к третьему году обучения во всех полуинородческих школах ученики, согласно отчетам о состоянии образования в Вятском крае, уже достаточно овладели устной и письменной русской речью.

Управление церковно-приходскими, миссионерскими, братскими школами и школами грамоты было сосредоточено в Вятском губернском епархиальном училищном совете, учрежденном в октябре 1884 г. (его уездные отделения начали действовать с конца 80-х г.). Церковно-приходская школа должна была стать главным сдерживающим фактором в развитии земской школы. С этого времени начальная школа Удмуртии развивалась в системе своеобразного дуализма.

В начале XX в. в Удмуртии сложилась сложная многоступенчатая система начального образования. Первой ступени соответствовали одноклассные школы и училища – земские, Министерства народного просвещения, приходские по уставу 1882 года, школы грамоты, миссионерские Вятского комитета православного миссионерского общества, противораскольнические школы Братства святителя и чудотворца Николая и Сарапульского Вознесенского Братства, церковно-приходские, имевшие, как правило, 2-4-х годичный курс. В 1900 году общее их количество в 4-х уездах достигло 859 при 45131 учащихся (из них 34546 мальчиков 10585 девочек).

Вторую ступень представляли 3 двухклассные школы Министерства народного просвещения с 4-5 летним курсом, а также церковно-приходские и 4 второклассные церковные школы. В двухклассных «образцовых» школах обучались 584 мальчика и 7 девочек.

К третьей ступени принадлежали четырехклассные уездные училища и близкие к ним по программе городские (по Положению 1872 г.) и духовные училища. Существовали также 193 неорганизованные школы – мектеб – для татарского населения, в которых обучались 6901 учащихся (4098 мальчиков и 2803 девочки). Общая численность учащихся в 873 школах и училищах всех трех ступеней и татарских мектебах составляла к началу XX в. 53463 человека, в том числе обучались 4068 мальчиков и 13395 девочек (см. об этом:¹).

Основным типом начальных учебных заведений в городах и промышленных центрах страны в последней четверти XIX в. должны были стать городские училища. Она учреждалась вместо приходских и уездных училищ, вся их деятельность регламентировалась «Положением о городских училищах» от 31 мая 1872 г. Учащиеся в них получали законченное элементарное образование. Это были преимущественно трех-четырёх классные училища с пяти-шестилетним курсом обучения. Они представляли собой самостоятельный и изолированный тип общеобразовательной школы, не были связаны ни с низшей, ни со средней школой.

В Вятской губернии в 1911 г. насчитывалось 20 городских училищ, в том числе Малмыжское (1882 г.), Елабужское (1888 г.), Воткинское (1904 г.), Сарапульское, Глазовское (1905 г.), Ижевское, Сюмсинское и Старозятцынское (все открыты в 1909 г.). К 1912 г. в них обучались более 1000 учащихся – в основном дети мещан, купцов и крестьян, в том числе около 100 удмуртских учеников (см. об этом:²).

С 1912 г. начался процесс преобразования городских училищ в высшие начальные училища. Этот новый тип начальной школы представлял собой низшие учебные заведения с четырехлетним курсом обучения, учреждаемые на основе «положения о высших начальных училищах» от 25 июня 1912 г. В это время в Глазовском, Елабужском, Сарапульском и Малмыжском уездах действовали 11 высших начальных училищ – Малмыжское, Елабужское, Сарапульское, Глазовское, Воткинское, Ижевское, Сюмсинское, Старозятцынское, Юкаменское, Вожгальское, Петропавловское. Все они содержались на средства правительства и процесс открытия новых училищ продолжался.

В конце XIX – начале XX в. возобновилась практика обучения грамоте взрослого населения – появились воскресные занятия и вечерне повторительные курсы при начальных училищах. К 1914 г. земская школа прочно занимала ведущие позиции в системе начальных учебных заведений Удмуртии и определяла стратегию развития народного образования. Земские учебные заведения составляли две трети из 1532 начальных учебных заведений.

¹ Кутявин А. Н. Формирование и развитие системы общего и профессионального образования в Удмуртии второй половины XIX–XX века: автореф. дис. ... канд. истор. наук. Ижевск, 2006. С. 6-12.

² Там же. С. 8.

Миссионерские школы для нерусского населения Вятской губернии открывались губернским комитетом православного миссионерского общества, учрежденным 28 мая 1870 г. Определенного пика в своем развитии они достигли к 1905 г., тогда в 72 школах обучались 2253 человека, в том числе 520 удмуртов и 101 человек бесермян. Учителями в братских и миссионерских школах служили выпускники образовательных центров системы «христианского просвещения». В Казанской инородческой учительской семинарии были подготовлены 98 учителей-удмуртов, еще более 90 человек получили свидетельства на право преподавания после экзаменов в педагогическом совете семинарии¹.

Таким образом, к концу XIX века, когда система национального образования на территории Удмуртии сформировалась как отдельное направление в сфере образования, ключевым стал вопрос о подготовке учителей и учебной литературы. В этом вопросе одним из наиболее существенных факторов в процессе зарождения элементов удмуртской национальной школы явилась деятельность Карлыганской центральной удмуртской школы (1890 г.). Во второй половине XIX в. появляются новые учебники на удмуртском языке Н. Н. Блинова, В. А. Ислентьева и переводческой комиссии при Братстве святителя Гурия. Учебная литература на удмуртском языке прочно входит в каталоги школьных библиотек.

В начале XX в. плодотворно трудятся на ниве национального просвещения крупнейшие просветители удмуртского народа И. С. Михеев и И. В. Яковлев и многие другие. Их педагогические издания – «Книжки...», «Сочинения...», задачки, пособия, руководства для учителей пользуются огромной популярностью в нерусских школах региона. В педагогической периодике они поднимают важнейшие вопросы «инородческого просвещения». При этом заметна возрастающая роль удмуртского языка.

Источники и литература:

Берестова Е. М. Роль духовных школ в становлении национального образования в Удмуртии // Национальная школа: прошлое, настоящее, будущее (материалы научно-практической конференции). Ижевск: Удмуртия, 2003. С. 29-31.

Колеченко А. К. Энциклопедия педагогических технологий: Материалы для специалиста образовательного учреждения. СПб.: КАРО, 2004. 368 с.

Кутявин А. Н. Формирование и развитие системы общего и профессионального образования в Удмуртии второй половины XIX–XX века: автореф. дис. ... канд. истор. наук. Ижевск, 2006. 22 с.

Никольский Н. В. Конспект о истории народностей Поволжья. Казань. Третья типография. Губерн. Сов. Раб., Крест. и Красн. ДН, 1919. 88 с.

Отчетъ о состоянии училищъ Вятской губернии. Вятка, 1903. С. 21-36.

¹ Кутявин А. Н. Формирование и развитие системы общего и профессионального образования в Удмуртии второй половины XIX–XX века: автореф. дис. ... канд. истор. наук. Ижевск, 2006. С. 6-8.